

МУЗЫКА

Сергей Хренов

ПОДРОСТОК НАД РОСТКОМ РОКА

(к постановке вопроса методологии критики музыки рок)

следующее ниже представляет собой посвящение и отходняк всем тем, кто так хотел и стремился попасть на смотр-конкурс ленинградских самодеятельных рок-групп (15-17 марта 1985 года), но не попал, в то время как я - попал

Начать нужно, конечно, с терминологии. Со словами "к", "постановка", "вопрос" и "методология" вроде бы - более или менее - все ясно. А вот с тем, как определить, что такое "критика", "музыка" и "рок" (или наоборот, не-критика, не-музыка и джаз), дело обстоит гораздо хуже. Придется вводить некоторые допущения и предположения. Например: критика - это медиальный член в триаде "хроника-критика-искусствоведческое исследование", в которой переходы от одного звена к другому обусловлены трудно определяемым отношением объективного и субъективного: хроника (репортаж) - носит наиболее объективный (безличный и безличностный) характер; в критике возрастает роль субъективного фактора, начинают иметь значение личные вкусы, привязанности и воззрения; а при переходе к научному исследованию резко выявляется стремление к объективности, которая по сути дела является сверхсубъективностью, так как и процесс, и результат исследования целиком определяются избранным методом, а тот очень во многом зависит от личности исследователя. (Эту тираду можно описать и более изящно - менее циклично, но более линейно - как изменение временного масштаба: хроника - функционально и телеологически - сиюминутна и сиюсекундна, критика - это уже дело сегодняшнего дня, а исследование тяготеет к чему-то вневременному. Хотя, в то же время, при переносе точки зрения - при некотором историческом ракурсе - значимой становится в первую очередь хроника, а критика и искусствоведение лишь превносятся в общую картину оттенки и детали).

Остальные постулаты будут достаточно грубыми: все, что звучало из колонок по краям сцены Ленинградского рок-клуба — музыка, и что наиболее важно — так или иначе — .. музыка рок. Исключение составляла курехинская "Популярная механика", в программе которой кроме рока было слишком много всевозможного другого — до того "слишком", что, дабы не утруждать жюри, "Поп-мех" выступал вне конкурса. И последняя оговорка: в подзаголовке, конечно, не случайно написано "музыка рок", так как, хотя всем ясно, что рок — это неделимое и органичное единство музыки и слов, но потому, что, во-первых, слов, как у нас положено, в значительной степени разобрать было нельзя, а, во-вторых, от того, что рок-поэзия — сама по себе весьма увлекательная тема, и хочется, чтобы кто-нибудь поговорил о ней **особо**, речь в дальнейшем в основном пойдет о музыке.

Начнем — еще раз — и — как делает большинство нормальных людей — с конца, то есть, с итогов смотра-конкурса. По общепринятой пятизвездочной системе лично я оценил выступления ансамблей так:

15-е (вечер):	Союз любителей музыки рок	ж ж ж
"	Тамбурын	ж ж ж
"	Алиса	ж ж ж ж ж
16-е (утро):	Джунгли	ж ж ж ж
"	Микроклимат	ж
"	Популярная механика	ж ж ж ж
16-е (вечер):	Цирк	ж
"	Попел	ж
"	Аквариум	ж ж ж
17-е (утро):	Телевизор	ж ж ж ж ж
"	Выставка	ж
"	Теле-У	ж ж
"	Странные игры	ж ж ж ж
17-е (вечер):	Монрепо	ж
"	Примск	ж
"	Кино	ж ж ж ж ж

(Причем, звездочки ставились сразу же после концерта, а ж и ж ж получили группы, с выступления которых я ушел после пары или половины пары вещей.)

18 марта жюри обнародовало свое решение. Без определения мест лауреатами были названы:

Джунгли
Теле-У
Странные игры
Тамбурин
Телевизор
Алиса
Кино

То есть, за исключением "Теле-У" и внеконкурсного "Поп-меха" мой топ и список победителей, выбранных официальным жюри, совпали. Что для меня, видимо, не очень лестно, поскольку жюри состояло из представителей Главного управления культуры при горисполкоме, Обкома комсомола, Союза советских писателей, Союза советских композиторов, Межсоюзного дома самодеятельного творчества при Лениблсовпрофе и Совета рок-клуба. Что заставляет посмотреть кое на что более пристально.

Начнем — чтобы все-таки начать — и — как делают все нормальные люди — с начала, то бишь с меня самого, посещавшего концерты смотра-конкурса и слушавшего там некоторую музыку. Я родился, когда на проигрывателях почти всего мира круглые сутки крутились сорокопятки Билла Хейли и Элвиса Пресли. Я пошел в школу в то время, как почти весь мир смотрел фильм "Битлз" "Ночь после тяжелого дня". Мне повязали красный галстук, когда по почти всему миру шествовал "Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера". Меня приняли в комсомол, а Браена Джонса, Джими Хендрикса и Дженис Джоуплин уже не было на этом свете. Я не помню, когда впервые услышал рок, и даже, возможно, что музыку "Битлз" услышал первый раз в исполнении каких-нибудь "Веселых ребят". "Битлз" уже распались, а я только начинал их слушать. Но мы привыкли отставать и — догонять. Рок — это мое первое музыкальное переживание. Рок — первый слой.

моего собственного (а не по школьной указке) художественного опыта. Вся остальная музыка (и не музыка) легла на него или в него. В то время я слушал много и шел почти ухо в ухо с почти всем миром. Я очень огорчился, когда пропускал хотя бы одну передачу хотя бы одной радиостанции, вещавшей рок. Постольку можно было достать фирменные диски, я переслушал все, что хотел. Каков был мой вкус в середине 70-х? Ну, скажем так: в моем списке очень высоко стояли "Дип пепл", и очень низко — "Урия Гип"; я страшно обожал "Джетро Талл" и гораздо меньше — "Пшик Флойд". Или короче: я всегда очень любил Джона Леннона и Джорджа Харрисона и недолюбливал Пола Маккартни и Ринго Старра. (Смотря на историю рока сегодня, я выделяю только две супер-группы, игравшие всегда разную, но всегда отличную музыку: "Роллинг Стоунз" и "Лед Зеппелин". Не считая "Битлз", потому что таких людей нельзя ставить в один ряд и считать.) К концу 70-х "тяжелый рок" пошел на спад и стал надоедать. Диско мой организм не воспринимал. Но в то время я уже начал читать книги и смотреть картины (живописные и кино). Благодаря симфороку Рика Уэйкмана я начал слушать симфоническую и камерную музыку (сначала классическую, а потом и современную), а благодаря джаз-року — джаз (сначала традиционный, а потом и авангардный). Следующие несколько лет кроме всяческого авангарда я почти ничего не слушал, но все-таки слышал, что начали делать музыку панки, что идет "новая волна", что появились "нео-романтики". Потом авангардистский радикализм оставил меня, и теперь я могу слушать все и слушаю все (когда есть время и желание), что нравится. То есть, я с 15 по 17 марта включительно слушал ленинградский рок.

Я не знаю наверняка, каков жизненный музыкальный опыт членов жюри, и слышали ли они группу "Фрэнки едет в Голливуд", но отмеченное совпадение наших вкусов могу объяснить так (сразу оговорюсь, что, осознавая, что в жюри все люди разные, и там даже есть мои знакомые, я все же обобщаю жюри в некий тип советского функционера от музыки): и жюри, и я отметили все "хард-роковые" группы (включая все уклоны в сто-

рону как "новой волни", так и советской "эстрады") - я -... потому, что такую музыку слушать уже не могу, а жюри отчасти от того, что - до сих пор ("тяжелый рок" - это р пионер - и потому символ - пробивавшегося сквозь идеологический асфальт русского рока); что касается победителей, то жюри единодушно назвало лауреатами только "Джунгли" и "Теле-У", игравших чисто инструментальную музыку (как отметили из зала во время объявления итогов 18-го числа - "за тексты"; действительно, когда нет слов, задача сопоставления музыки с верным и нужным направлением значительно упрощается), а наибольшие разногласия были в отношении "Кино" и "Алисы" (стояло также под вопросом их участие в лауреатских концертах в апреле). То есть, оказалось, что моя шкала ценностей и шкала жюри значительно разнятся, что позволит на время успокоиться и еще раз начать с какого-нибудь конца или иного начала.

Пара полу-риторических вопросов: Зачем и кому (в смысле, на кой черт) нужна критика? и Каковы критерии критики музыки рок? Отвечаю на первый вопрос. Больше всего она нужна мне самому, пытающемуся разобраться в собственных ощущениях и в себе самом. Нужна ли критика музыкантам, точно не знаю. А что касается слушателей, то критика, с одной стороны, может помочь человеку, которому что-то понравилось, а что-то - нет, и который не знает - почему, понять, почему ему это понравилось, а то - нет (это, так сказать, "возвращающаяся назад" критика), а с другой - может указать и разъяснить какие-то новые еще непонятные явления и таким образом повлиять на формирование вкусов, отчасти выполняя функции рекламы ("забегающая вперед" критика). Возможно, критика может и многое другое, но для начала, я думаю, хватит. Обратимся ко второму вопросу. Обратился - и сразу понял, что, услышав на первой странице от дачи дефиниции термина "рок", вынужден заняться этим сейчас, поскольку причинно-следственная связь родительного падежа не терпит дыр. Определение не будет точным, не будет оно и научным, а будет просто описанием того, что просто приходит мне на ум, когда я пишу или произношу это слово.

Рок — это живая и свободная музыка. Рок — прост, искренен и непосредственен. Рок — единственное проявление "искусства", сохраняющее свой социальный, то есть общественный, характер. Он объединяет людей в группы, а вокруг них еще большее количество людей и еще большие группы и так далее, и все эти люди хоть в какой-то степени понимают друг друга, и у них хоть что-то есть общего (когда-то это умел делать джаз). Эти люди говорят на одном языке, у них сходные прически и прикид. Это можно назвать подражательством, а можно — стилем. (Меняются стили — меняется мода. Был хайр до пят — теперь — светлые челки.) В роке человек обращается лично и непосредственно к другому человеку и говорит при этом (или даже поет) своими собственными словами. Рок слушают, или молча, или произнося как заклинание слова вошедшей в плоть и кровь песни. Где-то тут и возникает та мистическая групповая, межличностная связь, которую люди уже разучиваются переживать (очередь или демонстрация могут составить конкуренцию, но в них слишком много функционального). — Определение получилось слегка идеализированным и, может быть, больше подходит року моей юности, но я не отказываюсь от сказанного, а лишь подчеркиваю: главное в роке — с т и л ь. Потому что рок — это музыка и жизнь молодых — подростков (то есть, еще — так или иначе — растущих), а молодое — слабо и гибко, ему необходимо ощущать себя частью целого — такого целого, частью которого оно хочет быть. Подросткам нужно проникнуться стилем, чтобы потом суметь отринуть все не-свое — или выработать свой собственный стиль — в жизни. И любая рок-группа должна следовать стилю, чтобы, преступая его, стать хорошей группой, очень хорошей группой, супер-группой. И это все в то время, как стили непрестанно меняются.

Пора кончать теоретизировать и, наконец, поговорить о том, что за музыку я слышал, и разобраться, почему кого-то я награждал звездочками сполна, а кого-то обидел. Оценки я ставил руководствуясь непосредственным впечатлением и кайфом, полученным от услышанного, а для размышлений фестиваль (пардон, смотр-конкурс) послужил лишь поводом и

с ними напрямую не связан, но получилось так (честное слово, не нарочно), что группы, получившие одинаковые оценки, объединяются в какой-то мере именно стилистически.

Про тяжелый рок и ж см. выше. "Теле-У" заработала вторую ж, скорей всего, за блестящую драм-машину, потому что, когда она перестала звучать, то даже не менее блестящие пассажи гитаристов Владимира Густова и Александра Ляпина не удержали меня в зале. Это музыка ужасно техничных инструменталистов, которым по большому счету сказать нечего. Некоторым музыкантам, исполняющим подобную музыку, удается, кроме пальцев рук напрячь и голову, и сделать что-то в плане композиции. Но здесь этого не было, а была одна скука.

Созвездие ж ж ж оказалось достаточно ностальгическим. "Союз любителей музыки рок", "Тамбурин" и "Аквариум" — все старье (и) знакомые. Лидеры групп выступают более десяти лет каждый. В музыке общего очень мало. "Союз" Владимира Козлова сыграл всего понемногу: и рокабили, и рок-н-рол (группы "Зоопарк"), и регей — все очень хорошо и все давно известно. Верхний предел для них, видимо, музыка английской группы "Полис". — У "Тамбурина" Владимира Леви свой отчетливый стиль (если, конечно, забыть, что есть такая группа "Джетро Талл"). Обычно на его концертах я до конца не досиживаю, но тут досидел и получил удовольствие от самобытного — почти акустического, но очень наполненного и сочного — звучания группы. Песня "Забвение" — одна из лучших на фестивале. Все немножко наивно, немножко сентиментально, очень мило... То, что "Аквариума" не оказалось привычно среди лауреатов, поразило некоторых его фанов как звуковое давление в пару сот децибелл. Но я — не фан (вообще ничей, потому что по натуре скептик) и попытаюсь трезво объяснить происшедшее (в смысле, свои ж ж ж, так как от жюри, честно говоря, такого нонконформизма я не ожидал). Легко сказать, что это выступление "Аквариума" было "полное говно" (что я и сделал неоднократно и подряд сразу после концерта; я был до того раздосадован, что, придя ранней ночью домой, даже поставил "Аквариуму" ж ж, но мудрое

утро повысило отметку). Труднее разложить все рационально. Облома поначалу ничего не предвещало. Во-первых, было известно, что в "Аквариуме" (кроме названия и Бориса "Боба" Гребенщикова не имевшем ничего общего с составом недалекого прошлого) будут играть лучший басист города Александр Титов, лучший барабанщик города Александр Кондрашкин (правда, на перкуссии), один из лучших пианистов — Европы — Сергей Курехин и один из лучших саксофонистов — может быть, даже мира — выступавший под псевдонимом Валентин Пономарев (но даже если бы он прибег к какой-нибудь аббревиатуре типа ВЧ или ЧК и оделся еще причудливее, его все равно нельзя было не узнать). Эта советская "Азия" была экипирована, видимо, самой лучшей в Питере электрогитарой, самым лучшим безладовым электробасом, многочисленными клавишными и саксофонами, которые, полагаю, тоже были на уровне мировых стандартов. Кроме того, к третьему отделению я, как и большинство публики, оказался в состоянии легкого алкогольного опьянения (меньшая часть находилась в состоянии сильного опьянения, а люди в форме и в штатском пребывали в трезвости), когда нравится гораздо больше вещей, чем до прихода этого состояния. Но несмотря ни на что, машина "Аквариума", по крайней мере, в отношении меня работала вхолостую. Почему? (В кулуарах, в смысле, в туалетной куртке, кто-то из музыкантов сказал: "Нет идем!"). "Аквариум" — это прежде всего "Боб" Гребенщиков и его тексты (18-го он, кстати, публично заявил, что пишет не стихи, а тексты песен). Его тексты — это неплохие стихи. В русской рок-поэзии он идет своим путем, не лежащим в плоскости изъезженных иносказательно-притчеобразных и быто-жизнелюбовописательных текстов. Тексты Гребенщикова местами магически темны, а их подача — ритуально завораживающая. Что до музыки, то она очень во многом зависит от того, кто в "Аквариуме" играет. На этот раз группа играла как никогда мощно, но одновременная игра нескольких виртуозов в целом смотрелась как броский — но бесполезный и неактуальный — фон, на котором порой даже терялся голос Гребенщикова. В выступлении было чересчур много искусства, поэзы, техники и электричества. Иногда очень хотелось хоть

одного - произвольного - соло, но Ляпина на сцене не было. Под конец весь этот витиевато-однообразный звуковой поток уже совершенно не воспринимался ухом, и единственное, что запомнилось - фирменные-фосфоресцирующие-офигенно-крутые-кроссофки Саши Титова.

По ж ж ж ж получили ансамбли, у которых с формальной - композиторско-аранжировочной - стороной все было на высшем уровне. Что помешало - мне поставить, а им получить - ж ж ж ж ж? - На прошлом фестивале я не был и "Джунгли" не слышал. Говорят, что с прошлым годом - ничего общего. Не мудрено, поскольку участие в группе Павла Литвинова (перк) и Николая Федоровича (сакс, кл) из самого интересного из недавно возникших - и временно не выступающего - ансамбля "Библиотека" (бывший "Бург-оркестр") не прошло впустую. Легкий авангардистский уклон, забавные самопальные электронно-перкуссионные инструменты дали "Джунгли" очень оригинальный саунд - то, что называется прогрессивный или художественный рок. Правда, не все пьесы были одинаково хороши, и порядок их исполнения был не лучшим, порой музыканты не чувствовали внутреннего времени композиции - короче, кое-чего пока чуть-чуть не доставало. - "Популярная механика" Сергея Курехина состояла почти из тех же музыкантов и показала почти то же самое, что и на концерте в Ленинградском университете в ноябре прошлого года (на этот раз в ней было рекордно много - 27 - музыкантов: Алексей Рахов (тс), Сергей Летов (ас), Григорий Сологуб (г, гарм), Александр Титов и Виктор Сологуб (бг), Владимир Диканский (скр, зурна), Всеволод Гаккель (влчль), Александр Кондрашкин (уд) плюс Виталий Федько и его фольклорный ансамбль плюс "Боб" Гребенщиков, Сергей "Африка" Бугаев, Юрий "Густав" Гурьянов и Виктор Цой (танцы и прочий попс) и остальные). Впечатление же от этого полистилистического многомерного коллажа/ассембляжа слабее, чем в первый раз. Дело, по-видимому, в том, что структурная гетерономичность (как синхроническая, так и диахроническая) аудио-визуальной ~~физ~~ фактуры перформанса "Поп-меха" с необходимостью предполагает simultaneity и singularity акта восприятия, а

любая репетативность аalienальна как эстетической позиции подобных действий, так и моей апперцепции. — В программе "Странных игр" никакого авангарда не было, но по сложности аранжировок и точности исполнения они были, наверно, выше всех. Все очень хорошо, но только этого мало. "Игры" достигли своей вершины — всего за год — года два назад: совсем новая у нас "новая волна" и даже очень много своего. Потом ушел — сначала из группы, а потом и ото всех нас — Саша Давыдов. Перестали звучать его песни, и стало ясно, что остальные песни слабее; а новые песни появляются не часто, а публика хочет нового (и уходя из зала, говорит: "Опять одно старье"). Поведение группы на сцене и внешний облик группы стали намного сдержаннее и, в то же время, органичнее, а музыка изощреннее, но исчезли открытость и типичное "игровое" настроение; они ввели в некоторых композициях тромбон, но он пока больше используется как элемент шоу, а не музыки. "Странные игры" — не из разряда супергрупп, а только они умеют, дойдя до вершины, по крайней мере оставаться на ней.

О лучших — названных лучшими самим собой — говорить труднее всего. Превосходные степени в речи другого рассматриваются наиболее придирчиво и порой не прощаются. Ведь для кого-то все равно лучше всех был "Аквариум", а кто-нибудь другой поставит ж ж ж ж ж успешно выступавшей 4 дня в вестибюле и фойе опергруппе. Да и к собственным оценкам относиться с сомнением. Вот, например, "Телевизор". Недостатки налицо: и в текстах, и в вокальной манере лидера группы Михаила Борзыкина слишком много процентов "Боба" Гребенщикова, многовато пафоса — но ко вторичности мы привыкли (ведь и сам "Боб" чем-то похож на Дэвида Боуи), и к тому же, кроме духа Гребенщикова выступление "Телевизора", в гораздо большей степени, осенял дух, скажем, "Дюран-Дюрана", а в моих плечах глазах и ушах это гиря на совсем другую чашу. Потому что более современного — и в то же время более выверенного, уравновешенного и цельного — звучания ни у одной из советских групп я не слышал. Одного звука непонятного происхождения электронного барабана, видимо,

хватило мне, чтобы начать торчать от "Телевизора", а потрясающий черно-иронический боевик "Белое солнце пустыни" закончил дело. Я их слышал впервые, поскольку на публике после прошлогоднего фестиваля они весь год не появлялись. Говорят, тогда они были лучше, возможно потому, что это был дебют. С удовольствием послушал бы подобную музыку живьем еще раз. — "Алиса" играла в первый день. Я только начинал обживаться в фестивальной атмосфере. Я слушал "Алису" лишь однажды — этой зимой, и меня хватило лишь на три песни. Здесь, правда, с "Алисой" выступал сногшибательный — по рассказам — вокалист из Москвы Константин "Доктор" Кинчев, так что я решил заглянуть в зал. Уже по одному процессу появления музыкантов на сцене под какую-то смурную фонограмму я понял — дальше будет хорошо, а одно движение пальцев кистей рук "Доктора" Кинчева привело меня в ~~еще~~ восхищение и в восторг. Первая же песня — "Экспериментатор" — страшной силы хит! Дальше — круче, а через 25 минут все кончилось, оставив меня в состоянии потрясения и убеждения, что ничего лучшего на фестивале точно быть не может. "Алиса" — это жесткая "новая волна", пост-панк (в основном черное, немного красного и белого) — не совсем сегодняшний день, но стиль настолько выдержан и стилем настолько все прикинуто, что просто захватывает дух. Все свое, все настоящее (например, "Игры" казались мне переодетыми инженерями, читающими в метро по дороге на службу книжку французской поэзии). Так даже боевик Нины Хаген "Нью-Йорк, Нью-Йорк (ставший с русскими словами "Меломаном") воспринимался как самая что ни на есть собственная песня "Алисы". И опять — таки Кинчев. Кстати, он первым на фестивале (потом Борзюкин, Цой и другие) опроверг известный миф о том, что и зал-де в рок-клубе дурной, и микрофоны-де плохие и аппарат-потому, мол, ни одного слова не понять. "Доктор" Кинчев умеет петь в микрофон, он просто умеет петь, он умеет так стоять на сцене и так петь, как не умеет никто. Комсомольцы, конечно, обвинили "Алису" в агрессивности и хождении не тем — каким надо — путем. Приходится отвечать. Такая музыка — это не высвобождение низменных инстинктов и агрессив-

ных наклонностей у несознательных молодых людей. Это освобождение, это способность внутренней свободной личности выступать или в своем облике, или надевать на себя любые маски и личины. Было время, и самые растущие из подростков были хипстерами и пацифистами. В мире что-то слегка изменилось, и нужно быть панком. — "Кино" было последним номером программы. Оно понравилось мне не меньше "Алисы", хотя, конечно, совсем по-другому. "Кино" я слышал далеко не впервые, и должен отметить, что более заметного развития ни у одной из ленинградских групп не знаю. "Кино" начиналось как дуэт Цой — Рыбин плюс кто-нибудь еще. Была претензия на панк, но музыка была на уровне советской эстрады. Прошлой весной я услышал "Кино" в новом составе (Цой, Титов, "Густав" — стоя за барабанами, Юрий Каспарян — на гитаре) и просто обалдел — почти также, как сейчас от "Алисы". Тоже, фактически, "новая волна", но еще более жесткая, потому что более скупая в средствах и более статичная. Но ребятам из "Кино" все больше становилась по душе "новая романтика", и вот на одном из концертов зимой я уже слышу другие песни, вижу иной подход. Правда, тогда еще сохранялась некоторая механистичность и жестковатость старой манеры (особенно в поведении), что приводило к некоторым стилистическим несоответствиям, и концерт в целом был неудачен. Зато теперь у "Кино" все как — теперь — надо. Бывший бездельник и безденежник Цой теперь совсем иной. Он почти перестал играть на гитаре, зато стал с великолепной пластикой, артистичностью и непринужденностью двигаться по сцене, и петь стал лучше. (Титов и Каспарян, кстати, тоже не стоят на месте.) Расширилась — цветовая гамма и имиджа, и музыки (от электронного барабана до кончиков волос "Густава"). Что такое "новая романтика"? "Новая романтика", — как-то раз обронил Сергей Курехин, — "это много денег". Да, инструменты и аппарат, видео-фильмы и шоу, модели одежды и причесок — все изысканно и дорого как никогда. Но новая романтика — это также, добавляю я, — красивые люди. "Кино" — это красивая группа, делающая красивую музыку (Саха Титов, между прочим, в "Кино" намного красивее, чем в "Аквариуме"). Кстати, по-настоящему молодые

люди всегда красивы: были красивы патлатые неопрятные хип-пики, были прекрасны в своем нелепом уродстве и самоуродовании панки, новые романтики красивы своей пестрой, слегка грустной красотой.

И чтобы все-таки как-то закончить — последний куплет, или рефрен. — И опять нерусские слова, скажет кто-нибудь в русской "тройке" и галстук. И так сплошные призывы подражать Западу и пропаганда чуждых идей и мод. Пускай у них будет ихний рок, у нас же есть БАМ и томатный сок. Каждому — свое. Да, возможно. Но, все-таки, по-моему, в сегодняшнем мире у всех одна судьба, всем — одно и то же. "Каждому — свое" было написано на воротах некоторых заведений, повторения которых мы не хотим на нашей Земле-е-е-е-е-е.

=====